

АЛЁНА СНЕЖИНА

ДРАКОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЯНЯ ДЛЯ ЕГО ДОУКИ

18+

Алёна Снежина

Дракон и няня для его дочери

<https://litres.ru/74391394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она:

Когда император разрешил магию всем, я думала, что жизнь наконец наладится. Но вместо этого я, одна из лучших учениц Академии магии, чиню своей магией соседские крыши и вазы за медяки. Потому что деревенские знахарки сбили цены.

Но тут соседка приносит новость: император ищет няню для своей пятилетней дочери.

Условия: магический дар и возраст до сорока лет.

Я моложе сорока. У меня есть дар. И мне терять нечего.

Ведь уже хуже, чем есть не может быть.

Или может?

Он:

Я правлю империей девять лет. Женился по любви и потерял жену. Легализовал магию, которой боялись веками.

А теперь моя пятилетняя дочь терроризирует дворец своей магией.

Няньки сбегают. Учителя в истерике.

Мне нужен кто-то, кто сможет её обуздать. Кто-то, кому не страшна маленькая девочка.

Ко мне пришла она, магичка из обедневшего рода.

Я ещё не знаю, научит она мою дочь хоть чему-нибудь или сбежит как все остальные.

Но выбора у меня особо нет.

Содержание

Пролог	5
Старуха Ильма	5
Последний вдох Лилиан	11
Глава 1.	19
Глава 2. Элинон	27
Глава 3. Встреча	34
Глава 4. Я могу тебя заколдовать	41
Глава 5. Она любит сказки	50
Глава 6. Притирка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дракон и няня для его дочери

Пролог

Старуха Ильма

За окнами дворца завывал ветер. Мне казалось, что я слышу его слишком отчётливо – каждый стон, каждый всхлип, каждый удар ледяных порывов в толстое стекло. Словно сама стихия оплакивала ту, что лежала сейчас на огромной кровати, утопая в подушках. Я прислушивался к её дыханию, которое с каждой минутой становилось всё тише.

Я стоял у изголовья, вцепившись рукой в резной столбик балдахина, и смотрел. Смотрел, как вздымается и опадает её грудь под тонкой тканью ночной рубашки. Смотрел, как синева проступает под тонкой кожей на висках, на шее, на пальцах, безвольно лежащих поверх расшитого покрывала. Смотрел, как гаснет жизнь в той, что была моим сердцем последние три года.

Лириан.

Её волосы, ещё недавно рассыпавшиеся по подушке золотистой волной, теперь казались тусклыми и прилипли к

влажному лбу. Губы, которые я целовал каждое утро, потрескались и посинели. Даже дышала она еле слышно, с хриплым, рваным свистом, от которого у меня самого перехватывало горло и было сложно дышать.

В углу комнаты, у камина, где огонь пылал так жарко, что находиться рядом было почти невыносимо, стоял архимаг Лоренцо. Его тонкие, аскетичные пальцы сжимали хрустальный шар, в глубине которого клубился мутный, белый туман. Глаза мага были закрыты, лицо осунулось и посерело от усталости – он не выходил из этих покоев третьи сутки, сменяя одних лекарей другими, перебирая свитки, пробуя зелья, заклинания, ритуалы. Всё тщетно.

Я ненавидел эту тишину, прерываемую лишь треском дров и дыханием умирающей. Ненавидел своё бессилие.

Я был императором. В моих руках были жизни тысяч, судьбы целых родов, власть над драконами и магами. Но здесь, в этой комнате, я был просто мужчиной, который терял жену и ничего не мог с этим поделать.

Наконец, Лоренцо открыл глаза. Шар в его руках померк. Он медленно, с тяжёлым вздохом, опустил его в бархатный мешочек и поднял взгляд на меня.

Я прочитал ответ в этих ледяных, бесстрастных глазах.
– Ваше Величество, – голос Лоренцо звучал глухо, без привычной менторской уверенности. – Моравийская жаба... она поражает не только плоть. Она плетётся по нитям жизни, по самой сути. Наша магия, магия формы и материи, здесь

бессильна. Мы можем облегчить страдания, продлить... – он запнулся, – но не обратить. Я... прошу прощения.

Прощения. Он просил прощения.

Мне хотелось закричать. Хотелось схватить этого невозмутимого мага за грудки и трясти, требовать, приказывать. Ты должен! Ты – архимаг! Ты можешь всё!

Но я не кричал. Императоры не кричат. Лишь медленно выдохнул, чувствуя, как внутри что-то обрывается, каменеет, превращаясь в ледяную пустоту.

– Сколько? – спросил я. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

– Несколько часов. Максимум – ночь.

Ночь. Одна ночь с ней. А потом – пустота.

Я перевёл взгляд на Лилиан. Её ресницы дрогнули. Она слышала или почувствовала. Медленно, с невероятным трудом, она приоткрыла глаза. Глаза, которые я любил больше всего на свете – тёплые, зеленовато-карие, с искорками смеха – теперь были мутными, затянутыми пеленой боли. Но она смотрела на меня.

– Кассиан... – выдохнула она одними губами, беззвучно.

Я рухнул на колени у кровати, схватил её ледяную руку, прижал к своей щеке. Глаза защипало, но я не позволял себе плакать. Не при ней. Я должен быть сильным.

– Я здесь, любовь моя, – прошептал он. – Я здесь. Не уходи. Пожалуйста, не уходи. Я не... я не смогу без тебя.

Её губы дрогнули в слабом подобии улыбки. Она хотела что-то сказать, но вместо слов из горла вырвался лишь хрип-

лый свист. Я сжал её руку крепче, чувствуя, как эта дрожь отдаётся в каждой моей клетке.

– Ваше Величество.

Голос слуги в дверях прозвучал неожиданно резко. Я обернулся, готовый испепелить любого, кто посмеет войти сейчас, в этот момент.

– Что?! – рывкнул я.

Слуга, молодой парень, побледнел под моим взглядом, но не сбежал. Он поклонился.

– Там... там пришла женщина, Ваше Величество. Старуха. Говорит, её зовут Ильма. Требует, чтобы её пустили к императрице. Стража не пускает, но она... она не уходит. Стоит у ворот и не уходит. Говорит... – слуга сглотнул, – говорит, что чувствует зов уходящей жизни.

В комнате повисла тишина. Лоренцо, до этого стоявший молча, резко поднял голову. На его аскетичном лице впервые за эти дни появилось нечто большее, чем безнадёжность – тень раздражения, даже оскорблённой гордости.

– Какая-то старуха? – переспросил он с плохо скрываемым пренебрежением. – Ваше Величество, здесь собраны лучшие умы империи. Мы испробовали всё. Если мы бесильны, то какая-то травница из леса...

– Пустите, – я оборвал его.

Лоренцо замер. Его бровь медленно поползла вверх. В этом жесте было всё: удивление и задетое самолюбие.

– Ваше Величество, – голос мага зазвучал жёстче, – вы

всерьёз полагаете, что какая-то деревенская знахарка понимает в магии жизни больше, чем я? Чем лучшие выпускники Академии? Это оскорбительно... и бессмысленно. Мы только зря потратим драгоценные часы.

Я медленно поднялся с колен и холодно посмотрел на Лоренцо.

– Мне всё равно, – произнёс я тихо. – Мне всё равно, кто она. Мне всё равно, что вы думаете. Мне всё равно, что это бессмысленно. Я просто хочу, чтобы моя жена жила.

Я перевёл взгляд на слугу, всё ещё стоящего в дверях.

– Приведи её. Немедленно.

Слуга выбежал. Лоренцо остался стоять у камина, сжав губы в тонкую линию. В его глазах горело недовольство пополам с любопытством – как у учёного, которому предлагают поверить в бабушкины сказки. Он знал, что спорить с императором в таком состоянии было смерти подобно.

Я снова опустился на колени у кровати, взял руку Лириан в свои ладони. Она снова провалилась в забытье, её дыхание стало ещё тише, ещё прерывистее.

– Держись, – прошептал я, прижимаясь губами к её холодным пальцам. – Слышишь? Держись. Я не отдам тебя. Никому не отдам.

В коридоре слышались шаги. Тяжёлые, неспешные, непохожие на торопливую поступь слуг или лёгкую походку придворных дам.

Дверь отворилась.

Ильма вошла в спальню, и свет сотен свечей на миг дрогнул, словно от порыва сквозняка. Она была старой. Сгорбленная, сморщенная, как печёное яблоко, в грубом тёмном платье и платке, из-под которого выбивались седые пряди. Но глаза... глаза у неё были тёмные, глубокие, и в них горела та самая сила, которую Лоренцо не мог найти в своих кристаллах и формулах.

Она остановилась в дверях, окинула взглядом комнату, задержалась на мгновение на Лоренцо – и усмехнулась. Коротко, беззлобно, но так, что архимаг невольно отступил на шаг.

Потом перевела взгляд на кровать. На Лилиан, на меня, стоящего на коленях.

– Зря ты его слушал, – сказала она, кивнув в сторону Лоренцо. – Столько времени потеряли. Драгоценного времени.

Она шагнула вперёд, и никто не посмел её остановить.

Последний вдох Лилиан

Дверь за Ильмой закрылась. Я стоял у изголовья кровати Лилиан и смотрел на эту странную женщину, так бесцеремонно вторгшуюся во дворец. В комнате, где умирала его жена, теперь было трое. И тишина.

Лоренцо остался за дверью. Я слышал его удаляющиеся шаги – архимаг уходил, оскорблённый, униженный, но мне не было до этого дела. Пусть думает что хочет. Пусть считает меня сумасшедшим, отчаявшимся глупцом. Я действительно отчаялся. И если эта старуха – моя последняя надежда, я воспользуюсь этим шансом.

Ильма не спешила. Она медленно обошла комнату, касаясь пальцами спинки стульев, края стола, тяжёлых складок портьер. Мне показалось, что она не просто идёт, она будто слушает, принимает, впитывает сам воздух этой комнаты, пропитанный смертью.

Наконец, она остановилась у кровати, напротив меня. Посмотрела на Лилиан и перевела глаза на меня.

– Я не буду тебе ничего обещать. И если не смогу – ты должен будешь принять это. Как мужчина. Как правитель. Ты понял?

Я кивнул. И без её замечания я прекрасно знал, как должен вести себя император.

– Понял.

– Тогда отойди. Дай мне посмотреть.

Я отпустил руку Лилиан, сделал шаг назад, вжался спиной в холодный камень стены. Наблюдал, как Ильма склоняется над моей женой, как её морщинистые, узловатые пальцы касаются висков Лилиан, шеи, груди. Как она закрывает глаза и замирает.

Прошла минута. Две. Пять.

Мне казалось, что время остановилось. Я видел, как лицо Ильмы меняется – морщины становятся глубже, дыхание тяжелеет. На её лбу выступила испарина. Она что-то бормотала – тихо, на незнакомом, гортанном наречии, слова которого он не мог разобрать.

Сначала я подумал, что мне показалось – игра света, усталость, отчаяние, играющие с моим воображением злую шутку. Но нет. В полумраке спальни, там, где пальцы Ильмы касались тела Лилиан, зародилось слабое, тёплое свечение. Алое. Оно струилось, как дымка, как утренний туман, подсвеченный восходящим солнцем. Оно обвивало запястья Лилиан, поднималось выше, к горлу, к вискам.

Я замер, боясь дышать. Я видел магию много раз, ведь сам был всадником дракона, чувствовал её каждой клеткой. Но это... это было другое. Это было не заклинание, не формула, не сила, подчинённая воле. Это была сама жизнь.

Алая лента.

Он слышал это название. В старых книгах, в легендах, ко-

которые рассказывали слуги друг другу. Магия, которую считали выдумкой и ересью. Магия, которую боялись, потому что не могли контролировать.

И теперь она была здесь. В этой спальне.

Ильма открыла глаза. Свечение погасло, оставив после себя лишь лёгкие затухающие искорки в воздухе. Старуха выпрямилась. Она побледнела, а её морщинистые руки дрожали.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я прочитал приговор раньше, чем она открыла рот.

– Я не могу ей помочь, император.

Я покачулся. Стена врезалась в спину, не давая упасть. Последняя надежда растаяла.

– Нет, – выдохнул я. – Ты... ты же можешь! Я видел! Эта магия... это же...

– Это магия жизни, – перебила Ильма устало. – Алая Лента. И да, я могу ею управлять. – Она сделала паузу, собираясь с силами. – Твоя жена... она тоже маг. Как и я. Сильный маг. Я почувствовала это, как только вошла в комнату. Но...

Я смотрел на неё, не в силах осознать услышанное. Лилиан – маг? Она никогда не говорила мне. Никогда не показывала.

– Она скрывала это, – продолжила Ильма, будто читая мои мысли. – Знала, что таких, как мы, боятся. Что нашу магию называют колдовством и проклятием. Она боялась за ваш брак, боялась, что ты возненавидишь её. И прятала свою си-

лу так глубоко, что даже ты, её муж, ничего не замечал.

Я опустился на колени перед Лилиан, всё ещё не веря. Взял её безвольную руку, прижался губами к холодной коже.

– Прости, – прошептал он. – Прости, что не знал. Прости, что не смог защитить.

– Ты не виноват, – голос Ильмы прозвучал неожиданно мягко. – Она слишком долго скрывала свою силу, слишком долго не пользовалась ею. А когда болезнь пришла, она не смогла дать отпор. Лента в ней угасла, истончилась. Ей нечем было защищаться. Я могу облегчить её уход, сделать его безболезненным, тихим... но спасти – нет.

Я зажмурился, чувствуя, как по щеке прокатилась слеза. Я не плакал с детства. Я забыл, каково это – позволить себе слабость. Но сейчас мне было всё равно.

– Тогда зачем? – вырвалось хрипло. – Зачем ты пришла? Чтобы сказать мне, что я её теряю?

– Нет, – голос Ильмы стал твёрже. – Я пришла ради другой. Ради той, кому я ещё могу помочь.

Я поднял на неё заплаканные глаза.

– О чём ты?

– О вашей дочери, император. Об Элунед.

Ледяной ужас сковал моё сердце. Элунед. Моя маленькая девочка. Ей всего месяц. Она в детской, под присмотром нянек, далеко от этой заражённой комнаты...

– Нет, – прошептал я. – Только не она. Она не могла...

– Могла, – оборвала Ильма. – Заразилась от матери. Воз-

дух, прикосновения, само молоко, которым её кормили – неважно. Болезнь уже в ней. Она ещё не проявилась, потому что её сила, её Алая Лента, борется. Но Лента эта слабая, младенческая. Ей не хватит сил победить.

Я вскочил на ноги. Вся его скорбь мгновенно трансформировалась в ярость, в отчаянную, дикую решимость.

– Нет! Я не могу...не могу потерять и её. Слышишь?! Ты спасёшь её! Я приказываю!

Ильма лишь усмехнулась горько.

– Ты не можешь мне приказывать, император. Я не твой подданный. Я пришла по своей воле и уйду, когда захочу. – Она сделала шаг ко мне, и в её тёмных глазах вспыхнул алый огонь. – Но я спасу твою дочь. Не по приказу, а потому что она – одна из нас. Потому что её сила должна жить.

Я замер, не веря своим ушам.

– Ты... ты можешь?

– Могу. Но цена будет высока.

– Какая цена? Золото? Земли? Всё, что попросишь – отдам.

Ильма покачала головой.

– Не золото, император. Цену заплачу я.

Она подошла к кровати, где лежала Лилиан, и в последний раз коснулась её лба.

– Прощай, сестра, – прошептала она. – Ты была сильной. Ты боролась. Теперь отдыхай.

Потом повернулась ко мне.

– Неси её сюда. Твою дочь. Немедленно. Каждая минута дорога.

Я выбежал из спальни, не помня себя. Я летел по коридорам, расталкивая слуг, ворвался в детскую, где перепуганная нянька качала на руках тихо хнычущую Элунед. Вырвал девочку из её рук, прижал к груди и бросился обратно.

Когда я вбежал в спальню, Ильма стояла у кровати Лилиан. Она уже не дышала. Её лицо было спокойным, почти счастливым, будто она увидела что-то прекрасное в последний миг.

Моя Лилиан...Сердце разрывалось от боли.

Я замер на пороге, чувствуя, как мир рушится окончательно. Но Ильма не дала мне времени на скорбь.

– Сюда. Положи её рядом со мной. И не мешай. Что бы ни случилось – не вмешивайся. Обещай.

Я кивнул, не в силах говорить. Опустил крошечное тельце дочери на кровать, рядом с той, что уже никогда не откроет глаза, и отошёл к стене.

Ильма опустилась на колени и закрыла глаза. Я видел, как воздух вокруг неё начинает вибрировать, как алое свечение разгорается ярче, плотнее, заполняя всю комнату тёплым, пульсирующим светом.

Алая лента, которую я лишь видел мельком, теперь вырвалась из Ильмы мощным потоком. Она обвила крошечное тельце Элунед, проникла в неё, заструилась по маленьким ручкам, ножкам, по личику, искажённому гримасой бо-

ли. Дочка вздрогнула, выгнулась дугой. Я тут же рванулся было к ней, но алый щит отбросил меня назад.

Свет становился всё ярче, всё горячее. Ильма что-то шептала. Её лицо осунулось на глазах, морщины прорезались глубже, волосы из седых стали белыми, как снег.

Будто она отдавала свою жизнь. Капля за каплей.

Элунед затихла. Её дыхание выровнялось, стало глубоким, спокойным. Розовый, здоровый румянец разлился по щекам. Она спала. Просто спала – как спят здоровые, счастливые дети.

Свечение погасло.

Ильма открыла глаза. Она сидела на полу, сгорбленная, обессиленная – гораздо старше, чем была час назад.

Я бросился к Элунед

– Ты... ты спасла её, – прошептал я.

Ильма слабо усмехнулась.

– Я же сказала – смогу.

– Но цена... ты...

– Я жива, – перебила она. – И твоя дочь будет жить. И сила в ней будет огромная. Ты должен будешь её защитить, император. Спрятать. Иначе те, кто боятся нас, придут за ней. Как только узнают.

Я сжимал малышку в объятиях, прижимая к своей груди.

– Я защищу. Клянусь. Чем хочешь клянусь.

– Не надо кляत्व, – Ильма закрыла глаза. – Просто помни. Помни, что я сделала. И когда-нибудь, если придёт другая...

такая же, как мы... не отворачивайся. Помоги ей. Как я помогла тебе.

– Я запомню, – прошептал я. – Обещаю.

Утром королевство узнало, что императрица Лилиан скончалась после тяжёлой болезни. Весь дворец, вся столица, вся империя погрузились в траур. Чёрные флаги развевались над башнями, колокола звонили три дня и три ночи, и даже драконы, казалось, летали тише и ниже, словно скорбя вместе с людьми.

Императрица была любимицей всего двора и простых жителей. О её доброте и щедрости знала вся Алэрия. Её смерть оставила боль в каждом сердце.

В день похорон император Кассиан стоял у гроба жены, глядя на её прекрасное, спокойное лицо, и плакал. Никто не осуждал его за слёзы.

Мысленно он клялся, что исполнит всё, что обещал той странной старухе, которая спасла его дочь и исчезла из дворца той же ночью, не попросив ни золота, ни почестей.

Никто не знал, что в эту ночь родилась не просто принцесса, которой чудом удалось выжить. Родилась тайна. Тайна, которую император унесёт в своё сердце и пронесёт через годы.

Тайна об Алой Ленте. О магии жизни. И о долге, который нельзя оплатить золотом.

Глава 1.

Пять лет спустя

Кабинет утопал в послеполуденном свете. Солнце пробивалось сквозь высокие стрельчатые окна, вычерчивая на полу длинные золотистые полосы, в которых лениво кружились пылинки. На огромном дубовом столе, заваленном картами, донесениями и свитками, дымилась остывшая чашка утреннего чая – я даже не заметил, как пролетело время.

Я сидел в кресле, откинувшись на высокую спинку, и смотрел в одну точку на стене, где висел портрет Лириан. Художник хорошо передал её улыбку – тёплую, чуть лукавую, с искорками смеха в уголках глаз. Я часто ловил себя на том, что разговаривал с её портретом. Рассказывал о делах, о войне на границе, о погоде. И об Элунед.

Она так похожа на тебя, – говорил я. – Такая же упрямая. Такая же живая. И магия в ней – твоя. Я спрятал бы её от всего мира, если бы мог. Но ты бы этого не хотела.

Воспоминание о том разговоре, пятилетней давности, всё ещё отдавалось болью в груди. Ночь, алое свечение, Ильма и крошечная Элунед, которая должна была умереть, но выжила. Я сдержал слово, данное той старой травнице, и спрятал дочь. Оградил от лишних глаз, окружил самыми преданными слугами, никому не рассказывал о её даре.

А полгода назад сделал то, что должен был сделать. То, что подсказывала ему совесть и память о Лилиан и Ильме. Он подписал указ, легализующий все виды магии. В том числе – магию «Алой Ленты».

Я думал, что это правильно. Что страх должен уступить место знанию. Что моя дочь и такие, как она, больше не будут прятаться.

Теперь я начал в этом сомневаться.

За дверью слышались голоса. Сначала неразборчивый гул, потом резкий, возмущённый женский возглас, затем приглушённые уговоры секретаря. Я нахмурился. В моей приёмной редко кто позволял себе повышать голос.

– Я сказала, пропустите меня! – донеслось из-за двери уже отчётливо. – Мне нужно видеть императора! Немедленно!

Я узнал этот голос. Няня Элунед, госпожа Торренс – женщина лет пятидесяти, суровая, педантичная, безгранично преданная, но при этом обладающая терпением, которому позавидовали бы святые. Если уж она повышала голос, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Госпожа Торренс, но Его Величество занят...

– Мне плевать! Пусть хоть с самим драконом беседует! Я войду!

Я вздохнул, подавил невольную улыбку и крикнул:

– Впустите её.

Дверь распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. На пороге стояла госпожа Торренс. Её обычно без-

упречно уложенные седые волосы выбились из-под чепца и торчали в разные стороны. На щеках горел нездоровый румянец. Платье было перепачкано чем-то зелёным и липким – судя по запаху, свежескошенной травой.

Увидев меня, няня на мгновение замерла, сделала глубокий вдох и попыталась взять себя в руки. Выпрямилась, одёрнула испорченное платье, пригладила волосы. Но в её глазах всё ещё полыхало праведное негодование, которое она тщетно пыталась скрыть за маской приличия.

– Ваше Величество, – начала она с подчёркнутой вежливостью, от которой у меня по спине пробежали мурашки. – Позвольте мне доложить вам о поведении вашей дочери.

Я откинулся в кресле и сложил руки на груди.

– Говорите, госпожа Торренс. Я слушаю.

Няня шагнула вперёд, остановилась ровно посередине кабинета, будто на плацу, и выпалила:

– Ваша дочь, принцесса Элунед, окончательно вышла из-под контроля. Вы развязали ей руки, разрешив Алую ленту, и теперь она не признаёт никаких авторитетов. Она творит всё, что ей вздумается, и никто не может её остановить!

Я удивлённо поднял бровь. Выслушивать такое от человека, которого нанял и платишь деньги, не самое приятное удовольствие.

– И что же именно она натворила?

– Сегодня утром, – голос няни задрожал от возмущения, – она заставила все розы в зимнем саду зацвести за одну мину-

ту. А потом перекрасила их в синий цвет! Все до единой! Садовник рыдает в подсобке уже два часа и грозитя уволиться. Говорит, что за тридцать лет работы такого не видывал.

Я с трудом подавил улыбку. Синие розы. Это звучало... довольно мило.

– Далее, – продолжила госпожа Торренс, входя в раж. – На уроке этикета, когда госпожа Леман сделала ей замечание за то, что она вертится, ваша дочь заставила шлейф платья госпожи Леман обвиться вокруг ножки стула. Та упала. Опрокинула на себя тарелку с супом. Горячим супом!

– Она не пострадала?

– Нет, к сожалению! То есть... к счастью, Ваше Величество! Но унижение было чудовищным. Госпожа Леман подала прошение об отставке. Третье за этот месяц.

Я кивнул, пытаюсь сохранить серьёзное лицо.

– Понятно. Что-то ещё?

– Ещё?! – няня всплеснула руками, окончательно забыв о субординации. – Ваше Величество, это ещё цветочки! Буквально! Вчера она явилась на урок истории с букетом живых колокольчиков, которые росли прямо у неё из волос! Учитель истории лишился дара речи на полчаса! А позавчера она подшутила над начальником дворцовой стражи – плющ разросся на его шлеме, полностью закрыв его! Солдаты теперь прыскают со смеху при его появлении, дисциплина рушится на глазах!

Я представил себе сурового капитана стражи с цветущим

плющом на шлеме и всё-таки не сдержал улыбки. Короткой, быстрой, но госпожа Торренс её заметила.

– Ваше Величество! – воскликнула она, и в её голосе зазвенели слёзы отчаяния. – Вы не понимаете! Она не просто шалит! Она использует свою магию при любом удобном случае! На замечания отвечает тем, что заставляет туфли собеседника прирастать к полу! На попытки наказать – тем, что деревья опускают свои ветви и она просто уходит по этому по ним, как ни в чём не бывало! Вчера я заперла её в комнате, чтобы она подумала о своём поведении, а она открыла дверь... просто попросив дерево! Оно её послушалось! Засов сам отодвинулся! Что мне прикажете делать?! Цепь на неё вешать?!

Я молчал, и няня, расценив это как неодобрение, продолжила с нарастающим отчаянием:

– Она не признаёт никаких авторитетов! Ни меня, ни учителей, ни даже вас, простите за прямоту, Ваше Величество! На все попытки объяснить, что так себя вести нельзя, она отвечает: «Папа сказал, что моя магия – это хорошо. Значит, я могу ей пользоваться. А если вам не нравится – это ваши проблемы». Она цитирует вас, Ваше Величество! Ваши собственные слова!

Я медленно поднялся из кресла, обошёл стол и остановился напротив няни. Та, запыхавшись от своей тирады, смотрела на меня с надеждой и ужасом одновременно – надеждой, что я вмешаюсь, и ужасом, что я снова не понял всей

серьёзности ситуации.

– Госпожа Торренс, – я ответил спокойно. – Я благодарен вам за вашу преданность и за то, что вы терпите все эти... выходки. Скажите, а сама Элунед где?

– В детской, – буркнула няня. – Я велела ей сидеть там и ждать моего возвращения. Но она, конечно, не сидит. Она, скорее всего, снова что-то вытворяет.

– Хорошо. Я сам с ней поговорю.

Госпожа Торренс всплеснула руками.

– Поговорите?! Ваше Величество, с ней нужно не говорить! Её нужно наказать! Лишить сладкого, запереть в башне, отправить в монастырь! Хоть что-то! Пока она весь дворец вверх дном не перевернула!

– Госпожа Торренс, – я не выдержал и резко прервал её. – Я ценю вашу заботу. Но позвольте мне самому решать, как воспитывать дочь. Вы свободны. Приведите себя в порядок и отдохните. Вы выглядите измотанной.

Няня открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Она лишь тяжело вздохнула, сделала неловкий книксен и вышла, бормоча себе под нос что-то нелестное о современных методах воспитания и о том, что «в её времена дети вели себя тише воды ниже травы, потому что розги были розгами».

Когда дверь за ней закрылась, я позволил себе улыбнуться. Широко, открыто, от души.

Синие розы. Цветущий шлем. Учительница в супе.

Это ж надо было такую фантазию унаследовать, – по-

думал я, направляясь к двери. *В кого она только такая?*

Ответ пришёл сам собой. В неё. В Лилиан, которая могла рассмешить меня в самый мрачный день, которая придумывала тысячи способов увильнуть от скучных придворных обязанностей и которая тоже, как оказалось, прятала в себе целый мир – мир магии, о котором я ничего не знал.

Элунад была копией матери. И это наполняло моё сердце одновременно гордостью, болью и бесконечной любовью к моей маленькой хулиганке.

Я вышел из кабинета и направился в детскую. По пути ловил на себе сочувственные взгляды слуг – видимо, весть о похождениях принцессы уже облетела весь дворец. Кто-то прятал улыбки, кто-то отводил глаза, кто-то делал вид, что очень занят полировкой и без того сияющих перил.

Дверь в детскую была приоткрыта. Я толкнул её и замер на пороге.

Элунад сидела на полу, скрестив ноги, в окружении... птиц. Маленьких, разноцветных птах, которые слетелись, кажется, со всего дворцового парка. Они сидели у неё на плечах, на голове, на вытянутых руках, и каждая что-то щебетала, создавая радостный гомон. Девочка что-то шептала им, и птицы слушали, склонив головки набок.

Увидев меня, Элунад просияла улыбкой.

– Папочка! – закричала она, вскакивая. Птицы вспорхнули, закружились под потолком и вылетели в открытое окно. – Папа, смотри! Они меня слушаются! Я попросила их при-

лететь, и они прилетели! Я же говорила, что моя магия помогает мне дружить со всеми!

Она подбежала ко мне, я подхватил её, она обхватила моё лицо маленькими ладошками, глядя в глаза своими огромными, сияющими глазами, точь-в-точь как у Лилиан.

– Элунад, – сказал я серьёзно. – Мне тут рассказали про синие розы, про госпожу Леман и суп. И про цветущий шлем капитана стражи.

Улыбка на лице девочки дрогнула, но не исчезла совсем. В её глазах заплясали озорные искорки.

– А ещё я заставила кактус цвести! – похвасталась она. – Он был такой колючий и сердитый, а я его пожалела, и он выпустил цветочек! Розовенький! Хочешь, покажу?

Я вздохнул, как можно было ограничивать её. Она была просто ребёнком, очень подвижной и живой. Но наш статус обязывал.

– Покажешь, – согласился я. – Но сначала мы поговорим о том, что можно делать со своей магией, а что – не стоит. Идёт?

Глава 2. Элино́р

Меня зовут Элино́р. Элино́р Торнвуд. И сегодня я в который раз задаю себе вопрос: зачем я вообще училась в этой Академии?

В комнате пахло сыростью и мышами – старый дом в Дреннене, который я снимала за сущие медяки, не знал ремонта лет двадцать. Обои в коричневых разводах, скрипучие половицы, окна, которые заклеивала на зиму бумагой, потому что на новые стёкла денег не было. Мебель – та, что осталась от прежних жильцов и которую никто не забрал, потому что забрать такое могли только от безысходности.

Я сидела за шатким столом, подперев щеку рукой, и смотрела на горку медяков. Заработок за неделю. Хватит на хлеб, молоко и немного сыра. И, если повезёт, на свечу, чтобы не сидеть в темноте вечерами.

В Академии у меня была отдельная комната. С камином. И с видом на горы.

Я мотнула головой, отгоняя воспоминания. Бесполезно. Бесполезно думать о том, что могло бы быть, если бы не письмо от матери.

«Дорогая, твой брат погиб на границе. Отец слёг от горя. Урожай в этом году погиб. Нам нечем платить налоги. Приезжай, если можешь. Если не можешь – не вини себя, постараемся справиться».

Я приехала. Конечно, я приехала.

Три года в Академии магии при императорском дворе. Лучшие преподаватели, лучшие условия, лучшие перспективы. Меня прочили в личные помощники самого архимага Лоренцо. Я была лучшей на своём потоке по целевой магии и восстановлению артефактов.

А теперь я сижу в Дреннене, в этой дыре на краю империи, и чиню протекающие крыши за горсть медяков.

Потому что полгода назад император подписал указ. Легализация всех видов магии. Свобода для магов «Алой Ленты», для деревенских знахарей, для всех, кто раньше работал в тени.

Звучит прекрасно. Для них.

А для меня это стало катастрофой.

Раньше люди шли только к тем, у кого был диплом Академии. Кто мог подтвердить, что его магия качественная, безопасная, сертифицированная. Мы брали за свои услуги столько, сколько стоил наш труд. Нас уважали. Нам платили.

Теперь каждый второй лепит на дверь вывеску «Маг. Недорого». Бабки с болот, которые всю жизнь шептали над травами, повылезали из своих нор и предлагают услуги втридешева. Кому какое дело, что их зелья иногда действуют, а иногда нет? Главное – дёшево.

А я не могу работать дёшево. Потому что я знаю цену своей магии и вкладываю в каждое заклинание столько сил, сколько нужно, а не сколько осталось после вчерашнего пе-

репоя. Потому что я отвечаю за результат.

Людям плевать. Им нужна дешевизна.

В дверь постучали. Я вздохнула, поднялась, накинула старенькую шаль – в доме было холодно, дрова тоже стоят денег – и пошла открывать.

На пороге стояла соседка, госпожа Меридит. Полная, сутливая женщина лет пятидесяти, которая вечно совала нос в чужие дела, но при этом была добра ко мне – иногда подкармливала пирожками, когда видела, что я совсем плохо выгляжу.

– Элинор! – выпалила она с порога, не дав мне даже поздороваться. – Милочка, выручай! Беда у меня!

Я посторонилась, впуская её в дом.

– Что случилось?

Госпожа Меридит вошла, оглядела мою убогую комнату с плохо скрываемой жалостью (к которой я уже привыкла) и вытащила из-за пазухи свёрток. Развернула тряпицу, и у меня перехватило дыхание.

Ваза. Старинная, тончайшего фарфора, расписанная вручную золотом и лазурью. Таких я не видела даже в Академии, в коллекции древностей. И она была разбита. Треснула ровно посередине, и если бы не чудо, рассыпалась бы на две половинки.

– Это... – выдохнула я, осторожно касаясь пальцами гладкой поверхности. – Это же бесценная вещь.

– Материнская, – всхлипнула Меридит. – Единственное,

что от неё осталось. Дура внучка моя, вертелась, задела локтем... Элино́р, ты же училась в этой своей Академии, ты же умеешь чинить такое? Я заплачу! Не богато, сама знаешь, но...

Она замолчала, потому что я уже взяла вазу в руки, закрыла глаза и начала работать.

Магия восстановления – это не заклинание, которое можно выучить по книжке. Это диалог с предметом. Нужно почувствовать его историю, его суть, его боль. Услышать, как он плачет по утраченной целостности. И попросить – именно попросить, не приказать – стать целым снова.

Я шептала, вливая силу в трещину. Видела, как фарфоровая пыль медленно, крупинка за крупинкой, собирается воедино. Как золотой узор срастается, не оставляя и следа от повреждения.

Минута. Две. Три.

Я открыла глаза и протянула вазу Меридит. Та смотрела на неё, разинув рот.

– Целая... – прошептала она. – Господи, совсем целая, даже шва не видно... Элино́р, ты чудо! Ты настоящее чудо!

Она полезла за пазуху, доставая кошель, но я остановила её.

– Не надо, Меридит. Ты же знаешь, я не возьму с тебя за такое. Это память.

– Ну хоть пирожков возьми, – женщина сунула мне в руки узелок с чем-то тёплым и ароматным. – Я напекла с утра.

Ешь, а то на тебя смотреть страшно – одни глаза остались.

Я улыбнулась, принимая угощение.

– Спасибо.

Меридит уже собралась уходить, но у двери обернулась. На её лице появилось то особенное выражение, которое бывает у людей, когда они знают что-то важное и горят желанием поделиться.

– Слышала новость? – спросила она, понижая голос, будто собиралась выдать государственную тайну.

– Какую?

– Император объявил набор. Няньки для принцессы нужны.

Я фыркнула.

– Императору – и няньки? У него что, своих мало?

– Да не простые няньки! – Меридит шагнула обратно в комнату, глаза её горели азартом. – Ты слушай! Говорят, эта принцесса – та ещё бестия. Ей уже пятый год, а она всех нянек разогнала. Никто с ней справиться не может. Капризная, своенравная, учителей доводит до слёз, слуг до истерики. А недавно император указ подписал – магию разрешил, так эта девочка совсем от рук отбилась. Говорят, у неё дар – Алая Лента, как у тех, древних. И она им пользуется почём зря. Розы в синий цвет перекрашивает, шлемы заставляет петь, учительницу в суп уронила!

Я невольно улыбнулась. История звучала забавно.

– И при чём тут набор?

– А при том, – торжествующе объявила Меридит, – что император ищет няню, которая сможет с ней справиться. И главное условие – чтобы умела магией владеть. И чтобы моложе сорока была. Говорят, старых нянек принцесса вообще не воспринимает, а магией их так доводит, что те в ужасе разбегаются.

Я покачала головой.

– И что? Думаешь, я поеду ко дворцу нянькой наниматься?

– А зачем ты тут сидишь? – вдруг резко спросила Меридит. – Элинор, ты на себя посмотри. Ты одна из лучших учениц Академии, ты такие вещи чинить умеешь, что я и слов таких не знаю. А живёшь в этой дыре и считаешь медяки.

Слова хлестнули, как пощёчина. Я открыла рот, чтобы возразить, но не нашлась что сказать. Она была права.

– Я не могу оставить мать...

– Мать твоя в Торнвуде, с отцом. Но подумай, как сможешь помочь им, если станешь няней принцессы. Император монет на своё дитё не жалеет. А ты здесь одна. И талант твой здесь гниёт заживо. – Меридит подошла ближе и взяла меня за руку. – Послушай старую женщину. Съезди. Попробуй. Хуже не будет. А если получится – будешь принцессу учить магией пользоваться, а не вазы и крыши чинить. Дело-то нужное, государственное, не позорное.

Я молчала, переваривая услышанное.

Императорский дворец. Принцесса с Алой Лентой. Рабо-

та, где нужна настоящая магия, а не дешёвые фокусы деревенских знахарок.

– Подумай, – сказала Меридит, направляясь к двери. – Я бы на твоём месте подумала. Адрес во дворце спроси у любого – все знают, куда няньки приходят наниматься. И, Элинор...

Я подняла на неё взгляд.

– Ты достойна большего, чем этот чулан. Помни об этом.

Дверь закрылась. Я осталась одна в своей холодной, сырой комнате, глядя на горку медяков на столе и на узелок с пирожками в руках.

Глава 3. Встреча

Императорский дворец оказался именно таким, каким я его и представляла: величественным, холодным и бесконечно далёким от той жизни, которую я вела последние полгода. Высокие сводчатые потолки, мраморные полы, сияющие чистотой, гобелены с батальными сценами, на которые я всегда засматривалась ещё в Академии, будучи студенткой. Теперь я смотрела на них и чувствовала только одно: как же здесь всё по-другому.

Слуга, который вёл меня по бесконечным коридорам, был сама учтивость, но я ловила на себе его короткие, оценивающие взгляды. Поношенное платье, которое я надела в единственном приличном экземпляре, старенький плащ, заштопанный в трёх местах, и отсутствие хоть какой-нибудь мало-мальски ценной безделушки – всё это кричало громче любых слов. *Деревеницина. Нищенка. Что она забыла во дворце?*

Я и сама задавала себе этот вопрос. Особенно когда мы остановились перед массивными дубовыми дверями, украшенными искусной резьбой.

– Подождите здесь, – сказал слуга и скрылся за дверью.

Я ждала. Минуту. Две. Пять. Сердце заходило галопом, ладони вспотели, и я мысленно прокручивала в голове, что

скажу. Ваше Величество, я лучшая выпускница Академии... Нет, слишком самонадеянно. Ваше Величество, я умею чинить разбитое... Господи, какая же чушь!

Дверь открылась, и тот же слуга жестом пригласил меня войти.

– Его Императорское Величество готов вас принять.

Я сделала глубокий вдох и шагнула внутрь.

Кабинет императора оказался не таким огромным, как я представляла. Или, может быть, просто казался меньше из-за того, что был до отказа заставлен вещами. Карты на стенах, стеллажи с книгами до самого потолка, стол, заваленный свитками и донесениями, и окно – огромное, во всю стену, за которым открывался вид на горные пики, утопающие в вечерней дымке.

А у окна, спиной ко мне, стоял он.

Император Кассиан.

Я видела его портреты сотни раз. На листовках, на монетах, на парадных полотнах в Академии. Всегда одно и то же: величественный, строгий, с твёрдым взглядом и лёгкой сединой на висках. Мужчина в годах. Правитель.

Я была готова к этому.

Я не была готова к тому, что увижу, когда он обернулся.

У меня даже дыхание перехватило. На листовках он выглядел намного старше. Намного. Там был император – символ, статуя, застывшее изображение власти. А здесь, вживую, передо мной стоял мужчина. Живой. Молодой. На-

столько молодой, что я растерялась.

Ему было чуть за тридцать, может, тридцать пять. И он... он был красив. По-настоящему красив, той суровой, мужской красотой, от которой внутри что-то ёкает, даже если ты пришла по делу и очень хочешь сохранить серьёзное лицо.

Высокий, широкоплечий, с идеальной осанкой, которую не скрывал даже простой тёмно-синий мундир. Тёмные волосы с благородной сединой на висках – именно благородной, не старческой, а такой, что добавляет солидности и шарма. Лицо с резкими, волевыми чертами, сильными скулами и твёрдым подбородком. Но главное – глаза. Глубокого, холодного синего цвета, как горное озеро, они смотрели на меня с таким вниманием, что я на мгновение забыла, как дышать.

Он смотрел на меня. Изучал.

А я стояла, как дура, и пыталась вспомнить, зачем вообще сюда пришла.

Он красивый, – пронеслось в голове. – Интересно, почему он до сих пор не женился во второй раз?

Ответ пришёл сразу же, холодным душем отрезвляя мысли. Его жена, императрица Лилиан, умерла пять лет назад. От жабьей лихорадки. Поговаривали, что император так и не оправился от потери. Что ни одна женщина не смогла занять место в его сердце.

История была красивой и трагичной. И сейчас, глядя на него, я почему-то остро ощутила всю её боль. Этот мужчина любил. Потерял. И, кажется, так и не отпустил.

– Садитесь, – его голос выдернул меня из мыслей. Низкий, глубокий, с лёгкой хрипотцой – такой голос мог бы читать приказы или рассказывать сказки на ночь, и одинаково хорошо звучал бы в обоих случаях.

Я моргнула, осознавая, что всё это время просто стояла и пялилась на императора. Щёки залились краской. Я быстро опустилась в кресло напротив стола, стараясь выглядеть максимально профессионально. Получилось плохо.

Он сел в своё кресло, откинулся на спинку и сложил руки на груди. Казалось, он видит меня насквозь – и мою дешёвую одежду, и моё смущение, и мои мысли, которые только что скакали галопом по его внешности.

– Рассказывайте, – коротко бросил он.

Я сглотнула.

– Что именно, Ваше Величество?

– Кто вы, откуда, что умеете. Кратко о себе.

Кратко. Хорошо. Кратко я могу.

Я выпрямилась и заставила себя смотреть ему в глаза.

– Меня зовут Элинор Торнвуд. Мне двадцать четыре года. Я окончила Императорскую Академию магии полгода назад, специализация – целевая магия и магия восстановления. Была лучшей на своём потоке.

Я сделала паузу, ожидая хоть какой-то реакции. Ничего. Он просто смотрел.

– После Академии я планировала остаться при дворе, меня прочили в помощники архимага Лоренцо. Но... – я запну-

лась, – семейные обстоятельства вынудили меня вернуться домой. В Дреннен. Последние полгода я живу там, помогаю местным жителям. Чиню... всё, что нуждается в починке.

Он чуть приподнял бровь. Единственное движение на каменном лице.

– В Академии хвастаются лучшими выпускниками, – заметил он ровно. – Я помню списки. Вашей фамилии там не было.

Я внутренне сжалась.

– Я... я не закончила, Ваше Величество. Мне оставлось доучиться ещё год, но отец заболел... Мне пришлось вернуться.

– Хм.

Это «хм» могло означать всё что угодно. От «верю» до «ты лжёшь, и я это знаю». Я не знала, что думать.

– Ваша магия, – наконец сказал он. – Вы владеете Алой Лентой?

Вопрос застал меня врасплох.

– Нет, – ответила я честно. – Моя магия другого рода. Я не управляю жизнью, я только восстанавливаю то, что сломано. Это... разные вещи.

– Но вы можете определить, владеет ли кто-то другой?

Я задумалась на секунду.

– Думаю, да. Если увижу проявление. Алая Лента оставляет след. Тёплый, живой. Его трудно с чем-то спутать.

Он кивнул, будто услышал то, что и хотел услышать.

– Моя дочь, – сказал он, и впервые в его голосе промелькнуло что-то, кроме официальной холодности. – Вы, наверное, слышали.

– Слышала, – призналась я.

Мне показалось, что в уголках его глаз на мгновение появилась тень улыбки.

– Это только вершина, – сказал он. – Она не слушается никого. Ни нянек, ни учителей, ни меня. Магия в ней просыпается всё сильнее, а контролировать её она не умеет. И не хочет учиться. Капризная, своенравная, упрямая. И при этом... – он замолчал, подбирая слова. – Она одна. У неё нет матери. Я не могу быть рядом постоянно. Ей нужен кто-то, кто сможет... справиться.

Он снова посмотрел на меня.

– Почему вы?

Я открыла рот и закрыла. Потому что не знала, что ответить. Потому что соседка сказала «попробуй»? Потому что мне нужны деньги? Потому что я устала чинить крыши и мечтала о деле, достойном моего образования?

– Я не знаю, Ваше Величество, – сказала я честно. – Может быть, потому, что я умею восстанавливать. А ваша дочь... кажется, своим поведением пытается привлечь внимание к себе. Ей не хватает друзей. И я могла бы с ней подружиться.

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Так, долго, что я начала ёрзать в кресле, гадая, не ляпнула ли лишнего. Потом

медленно поднялся, обошёл стол и остановился напротив.

Сверху вниз он смотрелся ещё более внушительно. Мне пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Близко. Слишком близко. Я слышала запах его парфюма – древесный, с лёгкой ноткой дыма. Чувствовала тепло, исходящее от него. Видела, как в его синих глазах отражается свет заходящего солнца.

– Хорошо, – сказал он. – Если вы готовы, можете приступить прямо сейчас.

Я замерла.

– Простите?

– Прямо сейчас, – повторил он. – Моя дочь в детской. Если вы ей не понравитесь, она вас выживет за час. И тогда мы оба сэкономим время. Если понравитесь... – он пожал плечами. – Останетесь. Посмотрим.

Глава 4. Я могу тебя заколдовать

Я шла за императором по бесконечным коридорам и пыталась унять дрожь в коленях. *Прямо сейчас. Без подготовки. Без инструкций. Просто: «Иди и познакомься с девочкой, которая перекрашивает розы в синий и заставляет цвести всё что угодно».*

– Она знает, что вы ищете няню? – спросила я, когда мы свернули в очередную галерею.

– Знает, – не оборачиваясь, ответил император. – И она уже разогнала семь кандидаток. Восьмая сбежала, даже не дойдя до детской, когда увидела, как цветы в коридоре потянулись к Элунед, когда та проходила мимо.

Я представила себе эту картину и невольно улыбнулась. Алая Лента. Магия жизни. Для кого-то это прекрасно, для кого-то – пугающе. Люди ещё не привыкли к открытой магии.

– И как мне к ней подойти? – спросила я. – Что она любит? Чего боится? Что нельзя делать?

Император, наконец, остановился и обернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

– Обычно кандидатки не спрашивают. Они просто входят и... – он сделал неопределённый жест рукой.

– И сбегает через час, – закончила я за него. – Я хочу не

сбежать. Поэтому спрашиваю.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. Потом медленно кивнул.

– Она любит растения. Любые. До указа она тайком пробиралась в зимний сад и разговаривала с ними. Садовник до сих пор в ужасе, потому что после её разговоров розы цветут так, что их приходится обрезать каждую неделю. Боится... – он запнулся. – Боится темноты. И грозы. И того, что я уеду и не вернусь. Нельзя... – он сделал паузу. – Нельзя её жалеть. Она ненавидит, когда её жалеют. И нельзя кричать. От крика она замыкается и перестаёт слушать.

Я кивнула, запоминая.

– А если она применит ко мне магию?

– Тогда вы либо справитесь, либо... – император развёл руками.

– Либо я вернусь к починке крыш, – закончила я шёпотом.

– Что-то вроде того.

Мы остановились перед невысокой дверью, украшенной резными цветами. Из-за двери доносился странный звук – не то пение, не то щебетание, смешанное с птичьими трелями.

– Детская, – сказал император. – Я зайду первым, представлю вас. А дальше – сами.

Он толкнул дверь, и мы вошли.

Комната оказалась огромной. Светлой, залитой вечерним солнцем, с высокими окнами, выходящими в парк. Повсюду были игрушки – куклы, деревянные лошадки, книжки с кар-

тинками, разбросанные так, будто здесь только что пронёсся ураган. Но самое удивительное находилось в центре комнаты.

Там, на полу, скрестив ноги, сидела маленькая девочка. Белые, пушистые волосы рассыпались по плечам, огромные глаза – точь-в-точь такие же синие, как у императора – были устремлены вверх. А вокруг неё, на спинках стульев, на карнизе, на люстре, сидели птицы. Много птиц. Маленькие, разноцветные, они щебетали, перекликались, и девочка что-то шептала им в ответ, и, казалось, они её понимали.

Я замерла на пороге.

Это было похоже на картину. На сказку. На что-то невозможное в этом холодном, величественном дворце.

– Элунед, – позвал император.

Девочка обернулась. Птицы вспорхнули с громким щебетом и вылетели в открытое окно. На миг комната наполнилась пёстрым вихрем, а потом стало тихо.

Элунед смотрела на меня. Изучала. Оценивала. Точно так же, как её отец полчаса назад. Но в её взгляде было что-то ещё – детское любопытство, смешанное с настороженностью.

– Это Элинон, – сказал император. – Она...

– Новая няня, – перебила его девочка. Голос у неё был звонкий, чистый, но в нём чувствовалась твёрдость, неожиданная для пяти лет. – Я знаю. Ты уже приводил таких.

Она поднялась с пола, отряхнула платице и подошла бли-

же. Остановилась в двух шагах, задрав голову, чтобы смотреть на меня снизу вверх.

– Ты боишься меня? – спросила она прямо.

Я присела на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне.

– Нет, – ответила я честно. – А должна?

Элунед моргнула. Такого ответа она явно не ожидала.

– Предыдущие боялись, – сказала она с вызовом. – Я чувствовала их страх. От него цветы вяли, а птицы улетали. И они убегали.

– Значит, они были глупые, – пожала я плечами. – Ты маленькая девочка. Что в тебе страшного?

Она нахмурилась, и в её глазах мелькнуло что-то опасное.

– Я могу сделать так, что плющ в стенах оживёт и закроет все двери, – предупредила она. – И ты не сможешь выйти.

– Попробуй, – согласилась я. – Только тогда тебе придётся сидеть здесь со мной, потому что ты же не захочешь, чтобы я скучала одна? А мы могли бы поиграть или поговорить. Я, знаешь ли, умею рассказывать чудесные истории.

Элунед замерла, переваривая услышанное.

– А ещё я могу заставить розы в саду сплестись так, что они закроют все окна, – добавила она.

– О, это было бы красиво, – кивнула я. – Розы – они такие благодарные, когда с ними разговариваешь. Ты с ними разговариваешь?

Элунед моргнула.

– Да. Они любят, когда с ними разговаривают. Особенно по утрам.

– Я так и думала, – сказала я. – Моя магия другая. Я не умею разговаривать с живым. Я умею чинить сломанное. Вазы, мебель, старые книги. Иногда это тоже похоже на разговор. Предметы помнят, какими они были, и хотят стать целыми снова.

Элунед смотрела на меня с растущим интересом.

– А людей можешь чинить?

Я моргнула.

– Людей?

– Ну да. – Она посмотрела на меня серьёзно, совсем не по-детски. – Моя мама умерла. Папа с тех пор как будто сломанный. Ты можешь его починить?

У меня перехватило дыхание. Вот так вопрос. От пятилетней девочки.

– Я... не знаю, – ответила я честно. – Людей чинить сложнее, чем вещи. Но иногда, если с человеком рядом кто-то, кто его любит, ему становится легче.

– Ты про меня? – спросила Элунед.

– Да. Ты же его любишь. Значит, ему уже легче.

Она кивнула, будто услышала именно то, что хотела. Потом вдруг улыбнулась – впервые за весь разговор. Улыбка у неё была тёплая, открытая.

– А хочешь, я покажу тебе свой сад? – спросила она. – Настоящий. Там, где розы. Я их в синий перекрасила, папа

злился, но они красивые, правда! И они меня слушаются.

Я улыбнулась в ответ.

– Покажи. Очень хочу посмотреть.

Она схватила меня за руку, ладошка у неё была тёплая и потащила к двери, ведущей в парк.

Королевский сад был ухоженным, красивым, с аккуратными дорожками и подстриженными кустами. И розы действительно были синими. Ярко-синими, почти лазурными, они цвели так буйно, что казалось, будто кто-то вылил на них ведро краски. И пахли они... удивительно. Нежно, сладко, с какой-то особенной, живой ноткой.

– Нравится? – с гордостью спросила Элунед, наблюдая за моей реакцией.

– Очень, – честно ответила я. – Я никогда не видела синих роз.

– Никто не видел, – довольно заявила девочка. – Я первая придумала. Папа говорит, что это... как его... эксцентрично. Но я не знаю, что это значит.

– Наверное, он хотел сказать, что ты особенная, – улыбнулась я.

Элунед задумалась, потом кивнула.

– Наверное. Пойдём, я покажу тебе самые красивые!

Она потащила меня дальше, вдоль дорожки, то и дело останавливаясь, чтобы погладить какой-нибудь листик или прошептать что-то особенно пышному кусту. И каждый раз растение будто тянулось к ней, расправляло лепестки, стано-

вилось ярче.

Мы подошли к большому кусту в центре сада. Он был усыпан синими цветами – крупными, махровыми, невероятно красивыми. Элунед с гордостью показала на него:

– Это мой любимый! Я его посадила, когда мне было три года. Ну, не совсем сама, мне помогали, но я с ним разговаривала каждый день. Смотри, какой он большой!

Я восхищённо покачала головой. Куст и правда был великолепен.

И тут Элунед замерла. Её улыбка погасла, глаза расширились.

– Ой, – выдохнула она.

Я проследила за её взглядом и увидела. У самого основания куста, почти у земли, одна из веток была сломана. Кто-то нечаянно наступил или задел – может, садовник, может, птица, но ветка надломилась и теперь безжизненно свисала, удерживаясь только на тонкой полоске коры. Листья на ней уже начинали вянуть.

– Сломали, – прошептала Элунед, и в её голосе было столько боли, будто сломали не ветку, а её саму. – Мою любимую веточку. Она же засохнет совсем.

На глазах у неё выступили слёзы. Она моргнула, пытаясь их сдержать, но одна предательски скатилась по щеке.

– Я... я хотела, чтобы она выросла большая и цвела долго-долго, – всхлипнула она. – А теперь она умрёт.

Я присела рядом с ней на корточки и осторожно взяла сло-

манную ветку в руки. Листья действительно поникли, но где-то глубоко внутри ещё теплилась жизнь.

– Элунед, – сказала я мягко. – Ты же можешь её вылечить. У тебя же Алая Лента. Ты умеешь растить.

Девочка покачала головой.

– Не умею. Я умею, чтобы росло и цвело, а чтобы чинить... не умею. Я пробовала, когда птичка упала из гнезда, у неё крылышко сломалось. Я просила, чтобы оно сросло, а оно не сросло. Птичка умерла. – Она всхлипнула. – Я не хочу, чтобы веточка умерла. Она же живая.

У меня сжалось сердце. Девочка, которая может заставить цвести что угодно, но не умеет лечить. Потому что Алая Лента – это про рост, про жизнь, но не про восстановление. А может, просто никто не научил.

– Хочешь, я попробую? – спросила я.

Элунед подняла на меня грустные глаза.

– А ты умеешь?

– Не знаю, – честно призналась я. – Я никогда не чинила живое. Только вещи. Вазы, мебель, старые книги. Один раз... – я запнулась, вспоминая. – Один раз я заговорила ранку на коленке у соседского мальчишки. Он упал с дерева, сильно расшибся. Я тогда просто взяла и сделала. Даже не думала, просто руки сами... Но это было давно. Я не уверена, что получится сейчас.

– А ты попробуй, – шмыгнула носом Элунед. – Пожалуйста. Я не хочу, чтобы она умирала.

– Хорошо, – сказала я. – Но ты мне поможешь.

– Я? – удивилась Элунед. – А чем?

– Своей магией. Алая Лента – это жизнь. А мне нужно будет восстановить то, что сломано. Вместе у нас может получиться.

Я взяла руки Элунед в свои. Её ладошки были тёплыми, чуть влажными. Я осторожно обхватила её пальчики и прижала их к сломанной ветке.

– Закрой глаза, – попросила я. – И представь, что ветка целая. Представь, как по ней течёт жизнь, как расправляются листья, как она тянется к солнцу. Просто представь. Сильно-сильно.

Элунед послушно зажмурилась. Я тоже закрыла глаза и сосредоточилась.

Глава 5. Она любит сказки

Я стоял в тени старого дуба, наблюдая за ними.

Я видел, как Элунед всхлипнула, как прижалась к новой няне. Видел, как Элинор что-то шептала, обхватив руки дочери своими ладонями. А потом...

Я затаил дыхание.

Сломанная ветка, безжизненно свисавшая минуту назад, медленно выпрямилась. Кора на месте слома срасталась прямо на глазах. Листья, уже начавшие вянуть, расправились, зазеленели, потянулись к заходящему солнцу.

Элунед ахнула. Потом закричала от восторга. Потом бросилась Элинор на шею.

А я стоял и смотрел.

Магия восстановления. Я слышал о такой, но никогда не видел в действии. Тем более в сочетании с Алой Лентой. Эти двое только что сделали то, что не удавалось ни одному магу при моём дворе. Они спасли живое.

Я медленно выдохнул, стараясь не поддаваться эмоциям. Холодная голова – главный инструмент императора.

Первый этап пройден. Элинор нашла подход к моей дочери. Умный ход – не испугаться, не попытаться задавить авторитетом, а предложить игру, сотрудничество, общий язык.

Но что будет дальше – неизвестно. Элунед умеет восхи-

щаться сегодня, чтобы наутро проснуться с новым капризом и выжить очередную няньку. Она упрямая. Непростая. Слишком похожа на меня в этом.

Я развернулся и пошёл обратно во дворец. Дела не ждали.

—

День тянулся бесконечно. Совет по продовольствию, до-несения с границы, бесконечные бумаги, требующие подписи. Но между всеми этими важными государственными делами я то и дело ловил себя на том, что думаю о них.

Доклады приходили регулярно.

— Ваше Величество, принцесса и новая няня кормят птиц в парке. Принцесса смеётся.

— Ваше Величество, принцесса залезла на дерево. Новая няня пытается её снять, но сама застряла на нижней ветке.

— Ваше Величество, они обе слезли. Принцесса помогла няне спуститься с помощью плюща.

Я слушал эти доклады и не знал, радоваться или настораживаться. Элунед не позволяла никому помогать себе. А тут — сама предложила помощь. Няне.

К вечеру, когда все дела были закончены, а солнце давно село за горизонт, я, наконец, был свободен.

Снял мундир, накинул халат и сунул ноги в мягкие домашние туфли. Штаны от пижамы были лёгкими, почти невесомыми. В такой одежде я позволял себе ходить только в личных покоях.

Раньше, до рождения Элунед, я вообще спал голым. Но

когда дочери исполнился годик, и она начала приходить ко мне по утрам, пришлось пересмотреть привычки. Император, встречающий дочь в чём мать родила – зрелище не для детских глаз.

Я был готов уже лечь в кровать, но вспомнив, что не видел дочь с самого утра, направился к двери, чтобы просто зайти в её спальню, поцеловать в лоб, убедиться, что она спит спокойно.

Ритуал, который я не пропускал ни разу с самого её рождения.

Я быстро пересёк коридор между нашими спальнями, освещённым лишь редкими факелами, думая о прошедшем дне. Элино́р Торнвуд. Двадцать четыре года. Недоучившаяся студентка Академии, вынужденная вернуться домой из-за болезни отца. Чинила крыши и вещи в Дреннене, пока императорский указ не обесценил её диплом.

И при этом сумела найти подход к Элунед. За один день. Она или гениально, или просто удачлива.

Дверь в детскую была приоткрыта. Я толкнул её бесшумно, как всегда, и замер на пороге.

Элунед спала. Разметавшись на кровати, раскинув руки, утонув в подушках. Белые волосы рассыпались по одеялу, губы чуть приоткрыты, дыхание ровное и спокойное.

А рядом с кроватью, в кресле, подложив ладошку под щеку, спала Элино́р.

На коленях у неё лежала раскрытая книга – «Сказки се-

верных ветров», старая, потрёпанная, Элунед обожала её. Голова девушки склонилась набок, тёмные волосы упали на лицо, грудь мерно вздымалась во сне.

Она была здесь. С моей дочерью. Не ушла, как все предыдущие, стоило Элунед закрыть глаза. Осталась.

Я сделал шаг вперёд, и Элино́р, словно почувствовав моё присутствие, вздрогнула, открыла глаза и уставилась на меня.

Её взгляд метнулся к моему лицу, потом скользнул вниз и на грудь. На халат, который я даже не подумал запахнуть, и тут же резко опустила взгляд. Слишком резко. Щёки её залились румянцем.

Торс, который я не считал нужным прятать у себя в покоех, сейчас был выставлен напоказ перед девушкой, которая явно не ожидала такого зрелища.

– Ваше Величество! – выдохнула она, вскакивая с кресла и тут же приседая в неуклюжем реверансе. Книга с глухим стуком упала на пол. – Я... я не думала... то есть я...

– Тише, – сказал я тихо, кивнув на спящую Элунед. – Разбудите.

Элино́р замерла, прикусила губу и застыла в своём реверансе, не поднимая глаз.

Я смотрел на неё и понимал, что должен запахнуть халат. Правила этикета, приличия, её смущение – всё требовало, чтобы я прикрылся и вёл себя как подобает императору.

Но мне не хотелось.

Слишком забавно было наблюдать, как она краснеет. Как мечется взглядом, не зная, куда смотреть. Как теребит край платья, пытаясь справиться с волнением.

– Что вы здесь делаете? – спросил я, игнорируя её реверанс и собственные мысли.

– Я... читала сказку, – пролепетала она, всё ещё глядя в пол. – Элунад попросила. А потом... не заметила, как она уснула. И сама... я не хотела...

– Любите сказки? – перебил я.

Она моргнула, удивлённая вопросом. Подняла глаза, но тут же снова опустила, наткнувшись взглядом на мою грудь.

– А кто же их не любит, Ваше Величество?

– Не поверите, – усмехнулся я, – но все нянечки, что были до вас, сказки не любили. Считали ниже своего достоинства читать ребёнку.

Элинор опять забывшись, вскинула голову.

– Как это? – вырвалось у неё. И тут же, спохватившись, она снова уставилась в пол.

Меня это позабавило ещё больше. Она не умела скрывать эмоции. Совсем. Всё читалось на лице, в каждом жесте, в каждом взгляде. Редкое качество при дворе.

Я рассматривал её. Тёмные волосы, заплетённые в небрежную косу, выбившиеся пряди. Простое платье, явно не новое, но чистое и опрятное. Тонкие пальцы, которые она всё ещё теребила край юбки.

Красивая, – отметил я про себя. – Если бы не обедневший

род, возможно, блистала бы на балах. Но бедность не приговор. Кто знает, куда судьба может завести. Я сам был из таких же, если бы не случай и не Айрон.

Ты сам принял решение стать императором, – раздался в голове голос моего дракона. Ленивый, насмешливый, он редко вмешивался в мои мысли, но сейчас, видимо, решил, что его мнение необходимо. А девушка неплоха.

Я мысленно поморщился.

– Сам знаю. Не лезь.

Дракон усмехнулся – я чувствовал это как лёгкую вибрацию где-то в глубине сознания – и замолчал. Но я знал, что он наблюдает.

Элинор тем временем собралась с духом и снова присела в реверансе, склонив голову.

– Я пойду, с вашего позволения.

Но в этом идеальном реверансе было столько смущения, что он казался почти неуклюжим.

– Значит, ваша магия не только вещи чинит, – сказал я, игнорируя её желание уйти.

Она замерла.

– О, вы видели, – выдохнула она и снова бросила на меня быстрый взгляд и снова опустила его вниз. – Как оказалось, да, – ответила она тихо.

Мы стояли в тишине. Я смотрел на неё. Она куда-то в район моего пупка, потому что выше поднять глаза не решалась.

– Ваше Величество, – снова начала она, – мне правда по-

ра...

– Идите, – разрешил я наконец.

Она выдохнула с таким облегчением, что я едва снова не улыбнулся. Быстро, бесшумно, она скользнула мимо меня к двери. На пороге обернулась всего на секунду.

– Спокойной ночи, Ваше Величество, – прошептала она и исчезла.

Я остался стоять в детской, глядя на закрывшуюся дверь. Потом перевёл взгляд на спящую Элунед. Она улыбалась во сне.

Интересно, – подумал я, – что будет завтра?

Айрон в голове снова усмехнулся, но промолчал.

Я подошёл к кровати, наклонился и поцеловал дочь в лоб, поправил одеяло и вышел в коридор, чувствуя, что сегодняшний день закончился довольно необычно. Хотя бы потому что новая няня читала сказку Элунед.

Про свои чувства я старался не думать.

Глава 6. Притирка

Я выскользнула из детской и прикрыла за собой дверь так тихо, как только могла. Сердце колотилось в горле, щёки горели огнём, а в голове была одна-единственная мысль: *он видел. Он всё видел. И теперь думает, что я... что я...*

Не знаю. Но явно ничего хорошего.

Я прижалась спиной к холодной стене коридора и закрыла глаза, пытаюсь успокоить дыхание. Получалось плохо. Перед глазами всё ещё стояла эта картина: он стоит в проёме двери, полумрак, распахнутый халат, и эта грудь... боже, какая же у него грудь. Широкая, с рельефными мышцами, покрытая лёгким загаром, и эта дорожка волос, уходящая вниз, под резинку штанов...

Я резко открыла глаза и мотнула головой, отгоняя видение.

– Прекрати, – прошептала я себе. – Он император. Он твой работодатель. Он просто... мужчина. Красивый мужчина. Очень красивый мужчина. Но это ничего не значит.

Я оттолкнулась от стены и почти побежала в свою комнату, молясь, чтобы никто не попался на пути и не увидел моего лица. Потому что по лицу, кажется, можно было прочитать все мои мысли – такие постыдные, такие неуместные, такие... яркие.

В комнате я рухнула на кровать и уставилась в потолок. Не зажигала свечу, не раздевалась. Просто лежала и смотрела, как лунный свет ползёт по балкам, и пыталась не думать.

Не думать о синих глазах, которые смотрели на меня с таким... любопытством.

Не думать о том, как он стоял, даже не пытаясь прикрыться, и наблюдал за моим смущением. Как будто ему это нравилось.

Не думать о том, как у меня внутри всё переворачивалось от одного его взгляда.

Глупая, – сказала я себе. – Он просто проверял тебя. Ты няня его дочери. И не более того.

Я уснула только под утро.

И мне приснился он.

–

Снилось, что мы снова стоим в детской. Только Элунед нет, и свечи горят мягче. Он смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах нет той холодной отстранённости. Есть что-то другое. Глубокое. Тёмное. Манящее.

– Элинор, – говорит он, и мой голос в его устах звучит так... интимно.

Он делает шаг ко мне. Ещё один. Я чувствую жар его тела, слышу запах – древесный, с дымной ноткой, тот самый, что запомнила ещё в кабинете.

– Ваше Величество... – шепчу я.

Он поднимает руку и касается моего лица. Пальцы у него

горячие, и от этого прикосновения по коже бегут мурашки. Я закрываю глаза.

– Смотри на меня, – тихо приказывает он, и я послушно открываю глаза, тону в этой синеве, проваливаюсь, теряю себя...

Я проснулась резко, будто меня выдернули из воды. Села на кровати, тяжело дыша. Кожа горела, особенно там, где во сне ко мне прикасались его пальцы. Между ног пульсировало жаром. Простыня сбилась и была влажной от пота.

– Боже, – выдохнула я, закрывая лицо руками. – Что это было?

Я не была наивной девушкой. Я понимала, что это такое. Самое обычное желание. К императору. К мужчине, который нанял меня присматривать за его дочерью. К вдовцу, который, по слухам, до сих пор носит траур по жене.

Я упала обратно на подушку и застонала.

Больше никогда. Никогда не буду на него смотреть.

–

Утро началось с того, что Элунед ворвалась в мою комнату без стука.

– Элинон! Элинон, просыпайся!

Я села на кровати, чувствуя себя разбитой и невыспавшейся. Но на лице девочки сияла такая искренняя радость, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Доброе утро, маленькая принцесса.

– Вчера, когда мы кормили птиц ты сказала, что если я

буду хорошо себя вести, ты научишь меня разговаривать с колючими растениями!

Я попыталась вспомнить вчерашний день. Птицы, дерево, плющ... Да, кажется, такое было. Когда она помогла мне слезть с ветки с помощью плюща, я действительно пообещала ей что-то в награду.

– Хорошо, – вздохнула я, выбираясь из кровати. – Но сначала надо позавтракать, умыться и одеться.

– Скучно, – сморщила нос Элунед. – Взрослые вечно всё усложняют.

– Взрослые просто знают, что никому не нравится, когда с ним разговаривает неумытый и плохо пахнущий человек. И кактус может обидеться, – парировала я, натягивая платье.

Элунед замерла, глаза её расширились.

– Кактусы обижаются?

– Ещё как. Они становятся колючими. Ещё колючее, чем обычно.

– Ого, – выдохнула девочка и послушно побежала умываться.

–

Первая неделя пролетела как один миг. Или как один долгий, изматывающий, но удивительно яркий день.

Элунед оказалась именно такой, как о ней говорили: неуправляемой, своенравной, капризной. Но за всем этим я видела другое – ребёнка, который отчаянно нуждался во внимании. Она проверяла границы, потому что никто не удо-

сужился их для неё установить. Она боялась, что её снова бросят, и поэтому делала всё, чтобы казаться «неудобной».

В понедельник она заставила розы в парке сплестись в живой шатёр и затащила меня внутрь, чтобы «устроить пикник, как в книгах». Я сидела в этом розовом плену, ждала, пока она наиграется, и думала: *магия жизни в действии. И как это контролировать, если она даже не понимает, что делает?*

– Элунед, – сказала я, когда мы выбрались из шатра. – А ты знаешь, что розы могут уставать?

Она удивлённо захлопала глазами.

– Уставать?

– Конечно. Они же живые. Если заставлять их расти слишком быстро или сплетаться слишком сильно, они могут заболеть.

– Заболеть? – голос девочки дрогнул.

– Да. Как люди. Им нужен отдых. И ласка. И... разрешение.

– Разрешение?

– Ты спрашивала у них, хотят ли они стать шатром? – спросила я мягко.

Элунед задумалась. Потом покачала головой.

– Не спрашивала.

– А давай попробуем в следующий раз спросить? Просто мысленно. Почувствовать, согласны ли они.

Она кивнула, но я видела, что мои слова отложились у неё

в голове.

—

Во вторник она залезла на самое высокое дерево в парке и отказалась слезать, требуя, чтобы я «достала её магией». Я стояла внизу, задрав голову, и пыталась вспомнить все свои скудные знания по управлению растениями.

— Элунад, слезай, — крикнула я.

— Зачем? Мне и тут хорошо, — с вызовом ответила она. — Это дерево меня любит и не даст упасть.

Я прислушалась к дереву. Оно было старым, мудрым, немного ворчливым. Но к Элунад относилось хорошо — чувствовало в ней родственную душу.

— Согласна, — ответила я. — Но давай не будет заставлять его переживать за тебя. Иначе оно может заболеть.

Элунад замолчала. А через минуту ветки под ней начали медленно опускаться, пока она не оказалась на земле.

— Я попросила, — сказала она, глядя на меня с новым выражением. — И оно послушалось.

— Потому что ты просила, а не приказывала, — улыбнулась я. — Чувствуешь разницу?

Она кивнула.

—

В среду она явилась ко мне вся в слезах, потому что госпожа Леман накричала на неё и назвала «несносным ребёнком, которого никто не может воспитать».

— Я не хотела, — всхлипывала Элунад, уткнувшись мне в

плечо. – Я просто... разозлилась. И она упала. Ей больно?

– Больно, но уже лучше, – успокоила я её, хотя сама не знала. – Слуги быстро помогли. Но Элунед, ты понимаешь, что нельзя использовать магию на людях без их согласия?

– Почему? – шмыгнула носом она.

– Потому что люди, как и растения, чувствуют боль, и страх, и унижение. Ты бы хотела, чтобы кто-то сделал с тобой такое?

Она помотала головой.

– Вот видишь. Магия – это большая сила. И чем она больше, тем осторожнее нужно быть.

Элунед молчала долго. Потом подняла на меня заплаканные глаза.

– А ты меня не бросишь? Как другие?

У меня сжалось сердце.

– Не брошу, – сказала я твёрдо. – Обещаю.

–

К концу недели Элунед заметно изменилась. Нет, она всё ещё была той же непоседливой, своенравной девочкой. Но в её выходках появилось что-то новое. Она чаще задумывалась перед тем, как применить магию. Иногда спрашивала растения, хотят ли они того, что она задумала. И даже извинилась перед госпожой Леман – правда, через меня, но это уже был прогресс.

А я... я училась вместе с ней. Каждый день открывал что-то новое в этой малышке. Её силу, её страхи, её безгранич-

ную потребность в любви. И чем больше я узнавала её, тем сильнее привязывалась.

Но была одна проблема.

Император.

—

За всю неделю я видела его всего несколько раз. Мельком. Издалека. Он проходил по коридору, когда мы с Элунед возвращались из парка. Я успела заметить край его мундира, прежде чем шарахнуться в боковой проход, увлекая за собой девочку.

— Ты чего? — удивилась Элунед.

— Ничего, — ответила я, чувствуя, как сердце уходит в пятки. — Просто... показалось.

Ещё один раз я увидела его в окно. Он стоял на балконе своих покоев, смотрел на закат, и ветер трепал его тёмные волосы. Я замерла за шторой, забыв, что должна идти по делам. Смотрела и не могла отвести взгляд.

— Элинор, ты чего там стоишь? — позвала Элунед из коридора.

Я вздрогнула и отпрянула от окна, чувствуя, как щёки заливаются краской.

Идиотка, — ругала я себя. — Стоишь, пялишься, как последняя дура.

—

Но самое страшное случилось ночью.

Каждую ночь мне снился он. Иногда те же сны, что в

первую ночь – с прикосновениями, с его голосом, с этим тягучим, опасным жаром.

Я просыпалась в поту, с бешено колотящимся сердцем и кожей, которая горела так, будто меня лихорадило. Лежала в темноте, смотрела в потолок и ненавидела себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.